

УДК 101.1.

В.О.Шипулин

**ПРОТИВОРЕЧИЯ РОССИЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ
В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ***Гуманитарный институт НовГУ*

This article analyses national social transformations from the point of view of modernization's theory. The contradiction of modernization's processes in Russia is considered.

Термин «модернизация» применительно к социальным процессам стал широко употребляться приблизительно с 50-х годов прошлого столетия и изначально подразумевал трансформацию стран «третьего мира» из традиционного состояния в современное, в состояние модернити. При этом под модернити понималась комплексная характеристика западного буржуазного общества первой половины XX в., приверженность европейскому рационализму и сциентизму, стремление к росту материального богатства и техническому прогрессу, отношение к природе как к объекту приложения своих сил и знаний. С точки зрения одного из ведущих теоретиков модернизации Ш.Н.Эйзенштадта «модернизация — это процесс изменения в направлении тех типов социальной, экономической, и политической систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с семнадцатого по девятнадцатый век и затем распространились на другие европейские страны» [1]. По мере того как после распада колониальной системы складывался массив новых и вновь обретших национальную независимость стран, становился очевидным разрыв между их претензиями на место в современной индустриальной цивилизации и традиционным укладом жизни их по преимуществу сельского населения. Эти претензии и нашли свое отражение в концепции модернизации. Поскольку эксперты прогнозировали в ее рамках поступательное преобразование развивающихся стран в общества западного типа, модернизация часто отожде-

ствлялась с вестернизацией. Исходя из исторического опыта развитых стран, в программу модернизации включали формирование централизованных национальных государств, экономический рост, индустриализацию, урбанизацию, превращение рыночных отношений в универсальный принцип хозяйствования, формирование института частной собственности и развитие на этой основе предпринимательства, распространение грамотности и новейших средств коммуникаций, господство правовых норм и демократическую форму политического устройства.

Модернизационный процесс понимался как резкий скачок развивающихся стран в цивилизованное состояние, осуществление полного разрыва государств «третьего мира» со своим прошлым, отказ от всякой преемственности, полное размежевание с культурной традицией. Традиционная социокультурная система признавалась тормозом на пути развития. Однако попытки осуществить такую упрощенно-линейную схему модернизации не привели к успеху. Единственным видимым результатом стала имитация западных политических институтов и частичное разрушение традиционного жизненного уклада. В итоге в 70-х гг. XX в. теория модернизации подверглась решительному пересмотру.

Термин «модернизация» стал теперь употребляться в более широком значении, обозначая любую в принципе трансформацию традиционного общества в современное, а не только конкретную ситуацию стран

«третьего мира» во второй половине XX в. В данном контексте можно говорить о так называемой *органичной модернизации*, подразумевавшей процесс перехода стран Западной Европы от Средневековья к Новому времени. Процесс модернизации в этих странах имел эндогенный источник, изменения логично вытекали из предшествующего развития общества и носили универсальный характер, т. е. охватывали всю совокупность социальных, экономических, политических, культурных, правовых и иных процессов, связанных с переходом общества к современному индустриальному состоянию.

В модернизационной теории существует понятие *субъекта модернизации*, под которым понимаются те социальные слои и институты, которые в наибольшей степени, заинтересованы в успехе социальных изменений и вовлекают в них другие общественные группы. Существуют также социальные слои и институты, заинтересованные в сохранении преемственности и стабильности в обществе, способные стать тормозом модернизационных процессов. В случае органичной модернизации ее субъектом являлась зарождающаяся в эпоху Нового времени буржуазия. Противостояли же социальным переменам феодальные элиты. Однако буржуазии, хотя и не без трудностей, удалось сформировать положительный социальный консенсус относительно модернизации, в результате чего трансформация средневекового общества в общество модерни в Западной Европе успешно состоялось.

Последующая модернизация других регионов мира может быть названа *вторичной* или *догоняющей модернизацией*. Она имела место в тех странах, которые в силу тех или иных причин отстали в развитии от передовых стран Запада. Модернизация здесь, как правило, являлась «ответом» на «вызов» со стороны более развитых стран, стремлением, взяв за основу уже модернизовавшийся Запад, произвести подобные экономические, политические и другие изменения с целью догнать или даже перегнать его. Догоняющая модернизация была характерна для стран так называемого «второго эшелона» капитализма, часто выступала как реакция на военное поражение или была вызвана желанием преодолеть резко возрастающее отставание в военно-технической сфере. Часто такого рода модернизация принимает, по образному выражению бразильского историка Н.Вернека Содре, вид «движения квадратного колеса» [2], когда период бурного развития какой-либо одной сферы общества соседствует с застоем в других, а затем, когда колесо переваливается через ребро между гранями, начинается модернизация другой области жизни при одновременной стагнации остальных. Попытка социальной трансформации стран «третьего мира» во второй половине XX в. также является примером (неудачным) догоняющей модернизации.

В 70-е гг. стали говорить и о такой модели модернизации, которая предполагает осуществление изменений без радикального отказа от социокультурной идентичности. В качестве источников модернизационных процессов в этом случае выступают как внешние, так и внутренние факторы. Данная модель

возникла в результате понимания того, что не всегда ценности модерни успешно воспринимаются незападными цивилизациями, для многих из которых традиционный уклад жизни, справедливость и солидарность являются более органичными, нежели рациональность, свобода конкуренции и права человека. Выяснилось, что незападные общества могут модернизироваться, не отрицая собственного культурного своеобразия и не копируя слепо западные ценности, институты и поведенческие нормы. В ходе такой модернизации традиционные культурные ценности и нормы, специфические особенности мировоззрения не только не являются тормозом на пути движения социума к современности, но и становятся важнейшим фактором развития, обеспечивающим его стабильность и непрерывность. Ярким примером успешной вторичной модернизации являются страны Юго-Восточной Азии, и прежде всего Япония. Здесь сложился удачный синтез современных технологий, западных экономических постулатов и собственной социокультурной основы.

В 80-е гг. минувшего столетия вновь происходит радикальная смена модернизационной парадигмы. Это связано с тем, что наиболее развитые страны мира (США, Западная Европа, Япония) вступили в постиндустриальную эру. Основными признаками постиндустриального общества считаются ведущая роль информационных технологий, превращение производственной деятельности в разновидность творчества, формирование постматериалистической системы ценностей взамен материалистической. Процесс перехода к постиндустриальному состоянию, которое также трактуют как постсовременность, постмодернити, называют *постиндустриальной модернизацией*, или постмодернизацией. Новым ориентиром для стран, вступивших на путь социальных трансформаций, сегодня является именно постиндустриальное общество.

Избавившись от недостатков, присущих первоначальному ее варианту, теория модернизации предстала в виде гибкой и многофакторной концепции, допускающей сохранение собственной идентичности трансформирующегося общества, функционирование особых институциональных и духовных структур, присущих данному обществу.

Модернизация — это «вызов», на который каждое общество дает «ответ» в соответствии с принципами, структурами и символами, сложившимися в результате длительного развития.

Россия как особая цивилизация, отличающаяся и от западной, и от цивилизаций Востока, имеет свою модернизационную специфику. Российская модернизация в различных своих версиях есть вариант вторичной модернизации. Стимулом к осуществлению трансформации общества здесь, подобно другим странам с догоняющей модернизацией, стало техническое и экономическое отставание от ушедшего вперед Запада, угроза ослабления позиций России в мире как державы. Огромное значение для понимания особенностей современного этапа развития России имеет также тот факт, что в течение ряда предшествующих десятилетий здесь осуществлялась социалистическая

модернизация со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вступление наиболее развитых стран мира в постиндустриальную эпоху диктует российскому социуму новые ориентиры.

Модернизационные усилия в любой стране, как отмечалось выше, всегда сопряжены с определенными противоречиями. В России же противоречивость социальных трансформаций проявляется особенно остро и имеет ряд особенностей. В качестве одного из основных противоречий выступает частое несоответствие интересов государства и общества.

Российскую модернизацию отличает та особенность, что основным субъектом модернизационных преобразований является государство. Российская модернизация — это всегда революция сверху, часто осуществляемая насильственными методами. Несмотря на то, что государство мотивирует инициированные им трансформационные процессы интересами общества в целом, как раз широкие слои общества, как правило, сопротивляются модернизационным устремлениям. Более того, государство, будучи инициатором модернизации, часто само же является и тормозом ее дальнейшего осуществления в случае, если изменения заходят слишком далеко (к примеру, если ставится под угрозу существующая система власти). Получается, что без поддержки снизу масштабные социальные изменения осуществить невозможно; но в результате вовлечения широких слоев населения эти изменения могут выйти из-под контроля.

Другим коренным противоречием российских социальных трансформаций является отсутствие единства в обществе относительно целей и методов модернизации. Ни элита, ни большинство общества не имеют отчетливого понимания того, какой должна стать страна в результате той или иной социальной трансформации. В России всегда существовала «бесконечная борьба между славянофилами и западниками, «двумя культурами», «консерваторами» и «революционерами», «белыми» и «красными», «демократами» и «патриотами» [3]. Во многом это связано с цивилизационной природой российского общества. Российская цивилизация, возникнув относительно поздно по сравнению с классическими цивилизациями древности, а также позднее западноевропейской цивилизации, изначально оказалась зажатой между двумя более зрелыми и во многом противоположными цивилизационными образованиями Запада и Востока — и была обречена на взаимодействие с ними. Преобладание модернизационных усилий в направлении западных образцов вызывало реакцию в виде попыток отгородиться от западного влияния, сосредоточиться на самобытных источниках развития. Как отмечал А.С.Панарин, «российская культурная история включает циклы, фазами которых выступают то решительная вестернизация, то не менее решительная ориентализация страны» [4]. Стоит также отметить, что если эндогенным духовным источником органической модернизации Западной Европы явилась протестантская этика, а модернизации стран Юго-Восточной Азии способствовала опора на традиционные социокультурные ценности, то вопрос о способности традиционного для России Православия по-

служить в качестве источника формирования модернизационных ценностей остается спорным.

Кроме того, отсутствие единых модернизационных установок в российском обществе объясняется тем, что в процессе образования российского государства, растянувшегося на века и представлявшего собой аграрную, а затем индустриальную колонизацию, перемешивались и трансформировались различные, подчас противоположные ценности различных регионов и этносов, не образуя при этом целостной системы. Отсутствие единства во взглядах на будущее России отчетливо проявляется и в современный «посткоммунистический» период, когда сталкиваются самые разные взгляды и представления относительно взаимоотношений государства и личности, порядка и свободы. А как известно, согласие большинства общества по поводу основополагающих ценностей является необходимым условием успешного проведения модернизации.

Еще одной особенностью, позволяющей трактовать осуществление социальных трансформаций в России как процесс крайне противоречивый, является его циклический характер. Периоды активного внедрения инноваций в экономику, попытки либерализации политической сферы постоянно сменялись контрреформами, усилиями, направленными в противоположную сторону. В результате, начавшись при Петре I, модернизация в России является незавершенной и по сей день. Во многом это вызвано причинами, отмеченными выше.

Государство, являясь основным субъектом отечественной модернизации, способно достичь определенных успехов в укреплении власти, установлении централизованного хозяйственного и политического режима внутри страны. Однако затем государство неизбежно теряет инициативу, впадает в застой, начинает терпеть ощутимые неудачи в сфере мировой политики. В результате происходит постепенный поворот к реформам, призванный ослабить излишнее доминирование государства в экономике, оживить общество в идейно-политическом плане, привести в соответствие с требованиями времени политические институты. В обществе возникает новая политическая и социальная дифференциация. Столь радикальное развитие событий, разумеется, нежелательно как для государственной бюрократии, поскольку угрожает ее господствующему положению, так и для широких слоев общества, оказавшихся лицом к лицу с опасностью социального раскола. И постепенно, через ряд переходных колебаний общественных настроений и период политической нестабильности, страна вступает в новую фазу цикла — начинается движение к контрреформам. Причем контрреформы в России не являются «реформами со знаком минус», они являются продолжением начавшегося витка модернизации, но уже более жесткими авторитарными средствами. При помощи этих средств вновь достигается определенный успех в осуществлении краткосрочных целей модернизации внутри и вовне, но после того как обнаруживается историческая недолговечность успехов такой модернизации, страна вступает в фазу подготовки к новым реформам [5].

Крайне противоречивым фактором, отличающим российскую модернизацию и от органичной модернизации Западной Европы, и от успешной вторичной модернизации Юго-Восточной Азии, является осуществление в течение длительного периода социалистической модернизации. Многие исследователи, правда, именуют данный процесс псевдомодернизацией или в лучшем случае тупиковой ветвью модернизации. Социализм и коммунизм — чисто западные интеллектуальные феномены, имевшие в своей основе идеалы Просвещения и научной революции. Социалистические движения, однако, выступали не только против традиционных устоев, но и против современных институтов — политических, экономических, идеологических, сформировавшихся в результате модернизации стран Западной Европы. Если концепция модернизации предполагает в качестве идеала современный уровень развития Запада, то для социалистической идеологии и он не считался ориентиром. Идеал находится где-то в будущем, и согласно предписаниям коммунистической теории это светлое будущее непременно будет достигнуто.

Несмотря на то, что коммунистический идеал так и не был воплощен в жизнь, социальные трансформации, осуществлявшиеся в Советском Союзе и других социалистических странах, могут, на наш взгляд, считаться одним из вариантов догоняющей модернизации (правда, задача состоит здесь в том, чтобы не только догнать вырвавшиеся вперед страны Запада, но и обойти их), поскольку они позволили им обрести определенные черты, присущие обществу модерни. При этом если в некоторых сферах общества были успешно решены модернизационные задачи, в других наблюдался регресс. Модернизация, как органическая, так и догоняющая, всегда включает в себя процесс индустриализации. В странах, осуществлявших социалистические преобразования, индустриализация также была приоритетной. Создание материальной базы социализма в СССР в 30 — 50-е гг. XX в. предполагало в первую очередь развитие средств производства, подъем тяжелой промышленности, вокруг которой развивались другие отрасли хозяйства. В течение этих и последующих десятилетий сложились такие неотъемлемые характеристики современного общества, как урбанизация, всеобщая грамотность населения, бурное развитие науки. Был сконструирован «идеал всесторонне развитого, гармоничного человека, несомненно утопический, но все же инициировавший развитие образования, науки, культуры» [6].

Вместе с тем социалистическая модернизация «не решала многих задач классической модернизации, таких, как создание полноценного рынка товаров, капитала и труда, не обеспечивала свободу личности, являющуюся главным залогом успехов и необратимости процессов модернизации» [7]. Процессы, которые шли в период социалистических преобразований в политической сфере, можно назвать антимодернизационными. К примеру, политическая система России до 1917 г. была в гораздо большей степени предрасположена к трансформации в более современную модель, нежели та, которая возникла впо-

следствии. Государство оказалось единственным субъектом в экономике и политической жизни, не допускало существования элементов гражданского общества. Неотъемлемой чертой социалистической модернизации являлась важная роль коммунистической идеологии.

Еще в 60-70-е гг. прошлого века некоторые западные социологи всерьез рассматривали социалистическую модернизацию в качестве альтернативы общепринятым модернизационным теориям, ряд стран «третьего мира» выбрал для себя вариант социалистической модернизации. Однако к 80-м гг., когда стала очевидной безальтернативность экономики, основанной на рыночных отношениях, и демократии как формы политического устройства социалистическая модернизация исчерпала себя.

Наступившая постиндустриальная эпоха диктует России необходимость вступления в новую стадию модернизации — постмодернизацию. Сегодня большинство экспертов, анализируя стратегические цели преобразования в постсоветский период, полагают, что ориентиром для России является не мир модерни как таковой, а постиндустриальное общество: «Модернизация России в конечном счете должна создать условия для постиндустриализации (то есть постмодернизации). В противном случае она теряет смысл, поскольку не решает на современном уровне ни одной из возникших перед Россией проблем» [8].

Постиндустриальный потенциал России оценивается по-разному. С одной стороны, современное российское общество обладает неплохими постиндустриальными заделами в виде высокотехнологичных производств в отраслях космического и военно-промышленного комплексов, в фундаментальной науке, в высокоразвитой сфере образования. Кроме того, российская культура с ее традициями терпимости и всечеловечества, космизма и соборности может служить достойной основой для формирования постиндустриальных ценностей. Не случайно многие западные теоретики постиндустриализма полагали, что Советский Союз в 60-70-е гг. прошлого столетия находился наряду со странами Западной Европы, США и Японией на пороге постиндустриальной эры.

С другой стороны, существует много факторов, препятствующих осуществлению в России постиндустриальной модернизации. Выяснилось, что вступление в постиндустриальную эру невозможно без наличия таких условий, как рыночная экономика и демократическая система власти. Именно эти условия отсутствовали в советское время. Реформы же 90-х гг., направленные как будто на достижение этих условий, наряду с открытием «железного занавеса» и включением России в мировую экономическую систему привели по ряду важных параметров к отступлению страны к условиям доиндустриальной эпохи. Реальным результатом подобных действий стала фактическая демодернизация, отказ от уже достигнутого уровня в сфере производства, науки, образования, культуры. В экономике доминирующее положение занимает сырьевой и топливно-энергетический комплексы, а не производство интеллектуальных технологий, как это происходит в странах, вступающих с

постиндустриальную стадию развития. Огромных масштабов достигло социальное расслоение, свойственное первоначальному этапу индустриализма. Что же касается формирования постматериалистической системы ценностей, которая также является критерием постиндустриальной цивилизации, то она, как правило, возникает вслед за удовлетворением основных материальных потребностей. В России же в условиях низкого уровня материального потребления основной массы населения по-прежнему доминирующими остаются материалистические ценности. И хотя в последние годы в развитии страны наметились определенные позитивные тенденции, принимаются правительственные программы по развитию интеллектуальных технологий, повышается средний уровень жизни, растет число занятых в секторе информационных услуг, перспектива успешного осуществления в России постмодернизационного проекта в среднесрочной перспективе остается неясной.

Таким образом, развитие российского общества на всех этапах, включая современный, представляет собой крайне противоречивый процесс. В то же время альтернативы развитию в направлении модернизировать и постмодернизировать не существует. Более того, существует точка зрения, что нынешний виток отече-

ственной модернизации является критическим: либо России удастся стать современным обществом, либо страна подвергнется процессу дальнейшей дезинтеграции. Остается надеяться, что российское общество обретет, наконец, согласие относительно цели и методов последующей эволюции страны и, преодолев противоречия и приняв во внимание опыт предыдущих модернизационных этапов, выйдет на качественно новый уровень развития.

1. Цит по: Пантин А.В. Волны и циклы социального развития. Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М.: Наука, 2004. С.118.
2. Вернек Содре Н. Бразилия: анализ «модели развития». М., 1976. С.98.
3. Ерасов Б.С. Цивилизационный плюрализм против миросистемного монизма // Осмысливая мировой капитализм (И.Валлерстайн и миросистемный подход в современной западной литературе): Сб. М., 1997. С.44-45.
4. Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М., 1995. С.28.
5. Пантин В.И. Указ. соч. С.194-195.
6. Федотова В.Г. // Вопросы философии. 2000. №4. С.17.
7. Опыт российских модернизаций XVIII – XX вв.: Сб. М., 2000. С.69.
8. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С.100.